

Изъ ростовской старины.

(Театральная воспоминания).

Примечание: Авторъ не знаетъ имени автора фельетона.

Ихъ въѣздъ тѣхъ, о которыхъ мыъ придется упомянуть въ дѣйствительныхъ моихъ замѣткахъ, врядъ-ли позволилъ остаться въ живыхъ. О многихъ я знаю исключительно по печатнымъ источникамъ; многие тихо почиваютъ гдѣ-то; о вѣ вторыхъ, хотя они и живы, ничего не слышно. Въ восточномъ фельетонѣ я исключительно возмущенъ тѣмъ изъ лицъ, дѣвъ нашего театра, которые въ Ростовѣ умерли при исполнении, такъ сказать, своихъ обязанностей. Къ этимъ дѣтямъ театральнаго искусства принадлежатъ: П. Шумский, М. Фусовъ, П. И. Нероловъ, Шаховъ, Недвижца. Что-же касается Сувориной и Рютича, то я ихъ не коснусь, имѣя въ виду и давность ихъ смерти.

Нарвалъ Ивановичъ Шумский былъ старшимъ, самымъ старымъ актеромъ. Держалъ онъ на ростовской сценѣ въ силу личныхъ заслугъ (онъ жилъ и тогда шамкалъ въ плохо слышанъ), только потому, что дѣти его занимали видное положеніе на нашей сценѣ. Игралъ онъ вторымъ резонеромъ вѣ правду сказать, игралъ плохо, но за то, несмотря на старческий понасъ, былъ первымъ «запѣваломъ» въ тѣхъ безобразно-пыльных оркестрахъ, заплъ устраивались среди актерской братии въ тѣ годы. Умеръ въ Петербургѣ Шумскій на ростовскомъ кладбищѣ. Вотъ все, что я могу сказать о немъ. Не могу при случаѣ не упомянуть, на основаніи личныхъ моихъ наблюдений, что нигдѣ не развитъ такъ насѣдственность въ профессіи, какъ среди актеровъ. Ремесленникъ, адвокатъ, докторъ, купецъ-вой она часто старается одѣлать изъ

своихъ дѣтей что-либо другое, иногда свою профессію плохой, тяжелой, материально не оплачивающаюся, тогда какъ вѣчно полуголодная армія провинциальныхъ актеровъ не только не отвоевываетъ своихъ дѣтей отъ сцены, но прямо ихъ туда толкаетъ. Еще чуть-ли не съ пеленокъ ихъ берутъ на руки, въ этотъ крѣпъ попойствъ и грѣвъ. Тамъ эти несчастныя дѣти видятъ и слышатъ многого такое, что невольно выражаетъ ихъ нравственную понятіи. Посмотрите, какъ восторгъ являетъ отцы и матери, когда изъ 4-хъ-лѣтняго Коля или 6-ти-лѣтня Катя хорошо скажало на сценѣ два-три слова. Я знаю одну 7-ми-лѣтнюю дѣточку, которая въ мужскомъ костюмѣ, выдвигая не советскіе приличные тѣлодвиженія, распѣвала на сценѣ приунывающія куплеты, а мама, стоя за кулисами, нервно жала мыъ руки и со слезами на глазахъ, полотно, выдыхая отъ охватившаго ее волненія, спрашивала у меня: «хорошо, а?» Среди вымысловъ актеровъ ята наибѣдственность особенно выдѣлялась въ семьяхъ: Воронинныхъ (двѣнадцать Ворониныхъ, Рютичъ, Горелу-Недвижца), Максѣ (одна изъ дочерей Максѣ—подъ фамиліей Карякинъ), Стопелъ, Яковлевыхъ, вышеупомянутого Шумскаго и въ послѣднее время Пегаровскихъ. Въ послѣдней семьѣ, никогда ничего общаго со сценой не имѣвшей, 25 лѣтъ тому назадъ выступила А. В. Пегаровская (нынѣ комическая старуха въ малорусской труппѣ Держача, веданно у насъ гостицей); вскорѣ тудъ же поехала ее сестра Александръ (?), другую сестру, малорусскую актрису Князеву, и, наконецъ, двукратная пѣвица О. М. Сѣвѣтлову и П. М. Тамарову. Чуть объяснить такое явление, я вступившись сказать, но фактъ остается фактомъ. У Шумскаго было двѣ дочери—обѣ актрисы. Младшая изъ нихъ, Анна, уже давно оставила Ростовъ, и я о ней уже 20 лѣтъ ничего не слышалъ. Старшая, Марія,

талантливая и одоленная актриса, вышла замужъ за помѣщика талантливаго суфлера (не имѣется: чтобы быть хорошимъ суфлеромъ, нужно обязательно имѣть талантъ) Фусовъ. Проживъ съ мужемъ всего 34 года, она скончалась 23 лѣтъ отъ скоротечной чахотки. Похоронена на ростовскомъ кладбищѣ, рядомъ съ отцомъ.

Служилъ у насъ актеръ Петръ Ивановичъ Нероловъ. Я часто и послѣ встрѣчалъ актеровъ, которые имѣли по 5—6 ролей, гдѣ у нихъ нѣтъ соперниковъ, но дальнѣе, видѣя этого «бѣднаго репертуара, они уже не актеры, а кинѣ-то чурбаши. Такомъ былъ и Нероловъ. Митрофанушка въ Педросѣ, Вобинский въ «Ревизорѣ»,—въ этихъ роляхъ онъ былъ незаменимъ, но дальнѣе онъ не шелъ, хотя игралъ въ каждой пьесѣ. Когда у насъ воцарилась оперетка, ему удалось создать роль Менелая въ «Еленѣ Прекрасной». Онъ игралъ ее такъ, какъ никто. Служившая у насъ тогда зѣвѣла опереточнаго міра П. А. Рабчева, приглашенная къ намъ изъ Петербурга, убѣжала, вѣдъ Неролова на столичную сцену и предлагала ему большое жалованье только за исполненіе одной роли Менелая; но онъ такъ сроднился съ Ростовомъ, что отклонилъ это лестное предложеніе. Извѣстнѣй, платно сиротинскій, съ перевальцемъ, вѣчно молчаливый, ни во что не вышиваюшійся, онъ былъ любимъ всей труппой. Пилъ онъ горькую, но пилъ молча, безъ того шума и гиканья, которые такъ любятъ наша русскія актеры,—пилъ часто по-вѣщійски: съ чувствомъ, съ толкомъ и разстановкой... Жалованье свое Нероловъ аккурратно-блѣднѣ обрѣлъ, не въ явномъ театрѣ на другую сторону Садовой улицы, въ погребъ Пага. Жена его, невѣстная актриса на роли драматическихъ старухъ, М. И. Новицкая, служившая вѣрно вознагражденіе на сценѣ, буквально проводила безсонныя ночи

на перепискѣ ролей данъ театрѣ и такимъ путемъ добывала средства для себя и любимаго ею Пестыка. Сами-малъ она небольшому комъату въ мадонновомъ домѣ, на Староочковой улицѣ, платя 2 рубля въ мѣсяцъ, съ колѣвными отослаемъ. Стрипала сама. Я часто въ тѣ дни, когда не было спектаклей, любилъ заглядывать къ ней, любилъ вести съ нею бесѣду. Умная, образованная, начатная (но страшно некрасивая) и дѣтъ на 15 старше Неролова), побывавшая во многихъ городахъ, Новицкая дѣлалась со мною словами-воспоминаніями въ живая артистка. Говори, она всегда улыбалась, былъ очень оживлена, но невѣроятно рассказы ей сворачивались на все самое, на ее невѣрчивую жизнь, и, какъ только упоминалось имя Неролова, начинались слезы, горькія слезы... Нередко въ такія минуты появлялся и самъ Петръ Ивановичъ съ покорѣнными глазами, обрываетъ мысленно, и она тутъ-же при мыъ ридѣвала его и, вникаясь, какъ съ малюточкой, укладывала спать. Одно было достоинство у Неролова: какъ-бы онъ ни былъ пьянъ, спать онъ всегда являлся домой и не только не буйствовалъ, но и слова отъ него услышать нельзя было. Кстати, я отъ Новицкой слышалъ цѣлую серію анекдотовъ изъ жизни артистовъ, и однимъ изъ нихъ, очень характернымъ, касаясь нашего неважнаго Николая Хрсевфонича Рыбакова и нагдѣ до сихъ поръ въ печати не появившіяся, будетъ мною разсказана въ слѣдующемъ фельетонѣ.

Одновременно съ Нероловымъ, служившъ въ Ростовѣ много лѣтъ директоромъ оркестра замѣчательный музыкантъ, чѣтъ по происхожденію. Иванъ Ивановичъ Ватекъ. Будучи вдовымъ и имѣя кучу дѣтей, изъ которыхъ дочь Эмиа, 9 лѣтъ, и сыкъ Луго, 7 лѣтъ, всегда участвовали въ дивертисментахъ, какъ заправленныя артисты (играли на

свиричѣ), онъ дѣтей и домъ оставлялъ на попеченіе своей сестры, а самъ являлся въ день пѣтъ горькую со своими ближайшими другомъ Нероловымъ. И послѣ репетицій, и послѣ спектаклей, одѣвъ вѣчно молчаливый, другой плохо говорившій по-русски, медленно отирался въ погребъ Пага и тамъ прощипывалъ цѣлые часы, молча, но горъ дуръ другъ другу ихъ слова,—пили, пили и пили безъ конца...

Въѣвъ скучный ноябрскій вечеръ. Я пошелъ въ театрѣ. Отъ уличной сырости, промывавшей тудъ, отъ часто отворенной двери, отъ копоти керосиновыхъ лампъ—въ театрѣ былъ какой-то туманъ. Публика былъ очень малъ и непогода и мало лѣтствя пьеса «Шпейка», шедшая въ тотъ вечеръ, не могла никою привлечь. Понѣтъ 1-го акта я пошелъ за кулисы. Тамъ дѣла та-же скука. Шелъ второй актъ. Нероловъ игралъ португальскаго подмастерья и, сидъ на китѣ (столе), въ которомъ сидъ работавшъ портные), въ одной рубашѣ, безъ жилета, являясь своимъ роль. При гробовомъ молчаніи опустоля занавѣсъ. Мимо меня промелькнулъ Нероловъ, журмы, поташиваясь (пыль-мало въ время спектакля она вѣдогда не бывала). Черезъ 5 минутъ, когда въ оркестрѣ уже игралъ аттракціонную пьесу, и уменьшалъ черезъ-чуръ громкій разговоръ. Я перешелъ сцену.—Слышно было: «докторъ, поидице!» Раяванъ-лице охъ, плачь женщинъ. Въ уборной, на сидѣньи, въ атмосферѣ амѣаза, въ томъ же мѣсяцѣ, что и въ сценѣ, склонивъ голову на бокъ, сидѣлъ Нероловъ, но уже мертвымъ... Съ нимъ случился разрывъ сердца. На другой день Ивана Ивановича Витка, собутельяива умершаго, наплъ дома, съ парализованной правой стороной тѣла.

Прошло лѣтъ десять. Однажды я и Блаженъ (комикъ) пошли на ярмарку. Побродивъ, мы вошли въ одинъ изъ ярмарочныхъ трактировъ. Въ каждомъ изъ нихъ была казанъ-шибудъ приваива

данъ публики: хоръ, куплетисты, шведка, дамскій оркестръ и прочее. Въ томъ, куда мы вошли, игралъ дамскій оркестръ. Камъ у Неролова, въ «Уборной и парадной», не въ шитѣ была тамъ сила,—такъ и явѣвъ вѣтъ-ли всѣ сила была въ игрѣ, что доказалось и откровенностью костюмовъ артистовъ, ихъ воспитаніи, подраженіями фивомонимы и тѣми полурусскими, пѣваньями улыбками, съ которыми «эти дамы» обращались къ каждому въ посетителѣ. Я и мой товарищъ ушлись бѣвая вострады. Весь оркестръ былъ въ-равнобѣ. Черезъ ¼ часа свѣтъ стѣны собираться, ушлись и занегражи какой-то оальсъ, усматал его, во время игры, еще и хрипѣвъ призываю. Неприятно, до боли неприятно сдѣлалось мыъ при этихъ звукахъ... Но, вотъ, нечаянно свернул мой остановился на первой сиротѣ. Молодая, стройная, страшно худая дѣвушка, съ подраженными волосами, съ тусклыми, вѣселою, апатично неподвижно смѣчкомъ, видимо мыслями блуждая гдѣ-то далеко-далеко отъ окружающей грѣзы притова. Чертъ ее лица показались мыъ невзлюбилъ. Когда окончилось пѣванье, дѣвушка, съ обрываннымъ вѣтъ рукамъ, стала обходить посетителѣ прося «на юты». Подошла она и къ намъ. Вспомнилъсь ближе, я вострешилъ въ своей памяти недавнее прошлое. «Вы—Эмиа Витка?—спросилъ я Она повесилась... До двухъ часовъ ночи присидѣлъ и въ трактирѣ; каждый аттрактъ около меня сидѣла Эмиа, и много изтерпагого поведѣла мыъ эта несчастная...

Въ 1872 году, въ пѣчлѣ зимняго сезона, я имѣлъ въ-кулисамъпомощу, лѣтъ 20-ти, симпатичнаго наружности. Изъ развѣтровъ оказалось, что это—молочникъ, только-что поступившій въ сцену, благодарнъ влеченію въ ней, и что сдѣлалъ онъ это безъ согласія своихъ родителей, Шаховыхъ, проживавшихъ въ Новочеркасѣ. Вѣлъ себя

Шаховъ очень прилично, выступилъ въ обѣдѣннѣхъ пѣсняхъ, въ родѣхъ народныхъ людей. Старлъ актеръ говорилъ: «выидѣть мыъ него промѣтъ». Идѣтъ, видимо, онъ, будучи дома, привѣлъ широко, а идѣтъ, получивъ 30 р. мѣсячно жалованья, Красновѣй, знаменитѣй, онъ вышавалъ къ себѣ по пѣчлѣ окружавшихъ чувствено смилеръ рѣдичаго распѣванія. Пѣснѣвѣли отъ 2½ мѣсяца. Помоща материально отъ дому ему не оказывалась,—поборолъ, какъ потомъ оказалось, Шахову въ пыльныхъ грѣбахъ, что его увелътъ пѣвильно домой. Главныя персонажи труппы, обыкновенно, квартировали тогда въ верхнемъ этажѣ первагогого гостиницы «Красное Слово» (противъ городского сада, въ домѣ Богуславскаго). Тамъ квартировали Несоцкій и Черновъ, Оладжидъ, во время спектакля, Шаховъ, будучи вѣднѣннѣмъ, жаволава въ уборной, что ему несорочивался. Квартировалъ онъ гдѣ-то па окрайнѣ города. На дворѣ былъ страшный холодъ. Несоцкій предложилъ Шахову свою уютную пѣубу, а Черновъ—ключъ отъ своего номера. Шаховъ, растерсѣвшій, согласился. Войдя въ номеръ, не свѣтъ даже шубы, онъ вѣстрѣмился. Низкаго лѣннѣхъ послѣ него не осталось. Весь маленкій номерокъ, въ стѣны его, шуба и паль были вабрыгали хромью и молочнойной. На другой день прѣхѣла изъ Новочеркаска старушка-мать. Такъ погибъ юноша, одѣвъ изъ многихъ недужничкомъ, соблазненнѣхъ сценой!

Недвижца-Вороница—очень популярная актриса на роли игенде французскаго—прослужала у насъ вѣсколькую лѣтъ, вышла замужъ за прѣснагого добѣрнаго Недвижцаго (въ такъ давно умершаго), вѣбодѣвъ чахоткой и умерла. Вотъ все, что я могу сказать о покойной.

В. Камневъ.